

В. И. РУТЕНБУРГ

ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В этой статье затрагиваются некоторые проблемы классовой борьбы в эпоху Средневековья: в небольшом очерке мы попытаемся наметить лишь наиболее характерные черты западноевропейской и американской историографии последних лет в связи с проблемой классовой борьбы.

За последние годы в буржуазной историографии произошел значительный сдвиг в области изучения этих проблем: от полного отрицания классов и классовой борьбы, попыток обвинения марксизма в изобретении и надуманности этих социальных категорий и явлений многие историки Запада обратились к серьезному их исследованию. Такая эволюция сама по себе свидетельствует о признании не только наличия этих явлений в феодальном обществе, но и большого их значения в его развитии. Нет сомнения, что этот сдвиг произошел не без влияния марксистских работ по истории народных движений, появившихся в последние годы у нас и в других социалистических странах. Бесспорным является все возрастающий в западной науке интерес к этим работам.

Вместе с тем в западной литературе последнего десятилетия повторяются необоснованные нападки на марксистский подход к явлениям классовой борьбы. Примером тому может служить работа видного итальянского историка Джорджо Спини.¹ Будучи откровенным противником исторического материализма, он приписывает всем историкам-марксистам такой метод исследования, при котором все многообразие социальных и идеологических явлений сводится к классовой борьбе. Обращение самого Спини к проблемам классовой борьбы в период позднего Средневековья дает воз-

---

¹ Spini G. Storia dell'età moderna. Dall'impero di Carlo V all'illuminismo. Roma, 1960. Об этой работе см.: Рутенбург В. И. Всеобщая история XVI—XVIII вв. в изложении Джорджо Спини. — Вестник истории мировой культуры, 1961, № 2.

возможность определить его классовые позиции: его раздражают «крайности» крестьянской войны в Германии и радуется «сдержанность» восставших горожан Мюнстера. Его отношение к роли народа в истории выражено в формуле «народы, как обычно, молчат». Причину поражения народных движений XVI—XVII вв. он видит в том, что они были лишены участия «руководящих классов», которым Спиноза явно симпатизирует.² Эти симпатии приводят к потере чувства историчности — известно, например, что в Италии именно этот период характеризуется весьма ощутимым влиянием дворянства или городской аристократии на ход и исход восстаний, как это было и в Генуе XVI или в Неаполе XVII в. Еще более необоснованной выглядит оценка Спинозы восстаний в России XVI—XVIII вв. (он называет их «дикой авантюрой»).³

Некоторые буржуазные ученые считают, подобно Р. де Роверу, предубеждением и даже недостатком, что в работах западных авторов о народных движениях слишком много места отводится классовой борьбе. Эти ученые считают, что концепция классовой борьбы нашла себе путь под влиянием марксизма.⁴ Не отрицая в целом положения Р. де Ровера о влиянии марксизма на авторов и их исследования, следует подчеркнуть, что признание процесса классовой борьбы некоторыми буржуазными авторами трудов еще в XIX в. проистекало не из симпатий и антипатий к идее классовой борьбы, а лишь на основе объективного изучения исторического процесса, за который на словах ратуют многие буржуазные историки. Они не изобрели, не придумали, но должны были признать проявления классовой борьбы, которые в такой же степени нельзя «закрыть», как и отменить. Классы и классовая борьба не являются «изобретением» марксистов. Их наличие установлено еще в прошлом веке общественной наукой в лице Огюстена Тьерри, которого, как известно, Маркс называл наряду с Гизо и Мишле одним из «отцов классовой борьбы». Заслуженной Маркса, Энгельса и Ленина являлась разработка теории классов и классовой борьбы, без учета которых невозможно изучение народных движений.

Классовая борьба была и остается реальностью, и поэтому объективный и всесторонний анализ источников должен включать и исследование проявлений классовой борьбы, без чего комплекс исторических явлений будет неполным.

Ровер совершенно прав, когда говорит о недостаточной радикальности и революционности требований в некоторых движениях масс, например в городских восстаниях XIV—XV вв. Именно об этом свидетельствуют источники, что, в частности, находит свое подтверждение в ценной работе А. Брукера о флорентийской

² Spinoza G. Op. cit., p. 58—60, 70, 83—89, 92—95, 183—186, 191—198.

³ Ibid., p. 82, 134—136, 240—245, 261—265, 551—552.

⁴ Roover R. de. Labour conditions in Florence around 1400: Theory, Policy and Reality. — In: Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence, London, 1968, p. 277.

политике и обществе в XIV в.⁵ Однако это положение не снимает тезиса о паличии классовой борьбы, а лишь свидетельствует о ранних ее формах. Следует оцепивать программы восстаний эпохи Средневековья не с высоты XX в., а исходя из их уровня в XIV или XVI столетиях. Нельзя не согласиться с мнением Ровера относительно того, что в эпоху Средневековья народ не мог стремиться к полному изменению существующей экономической системы и введению «плановой экономики». ⁶ Действительно, требования наемных рабочих XIV в. о финансировании сукнодельческих мастерских и установлении минимума выпуска продукции, на которые ссылается Ровер, представляли собой не какую-то попытку планирования хозяйства, а стремление к обеспечению гарантированной заработной платы. В Генуе XVI в. близкое к этому требование выдвигали цеховые ремесленники текстильных мастерских, крайне заинтересованные в повышении цен на их продукцию. Это не снижает значения классовых битв Средневековья, а лишь выявляет их специфику.

Ровер прав, утверждая, что сукнодельческие рабочие XIV в., будучи людьми своего времени, не возлагали надежд на необеспечиваемые проекты, не выдвигали широких программ, а лишь пытались улучшить свою участь. Однако необходимо отметить, что естественное стремление улучшить свое положение иногда приводило их к мысли о борьбе за политическую власть. Таким образом, наряду с элементами реализма в их мышлении было достаточно наивности и несбыточных идей, что, впрочем, характерно было для городских низов разных стран. Восстания XIV—XV вв. не были и не могли быть успешными, но вряд ли было бы правильным считать, как это делает Ровер, любые народные восстания преждевременными и бессмысленными.⁷

Проблемам классовой борьбы в эпоху Средневековья в новейшей западной литературе посвящены не только отдельные статьи, но и монографические исследования, что свидетельствует о возросшем интересе к этим вопросам. Ярким примером является книга известных французских историков Мишеля Молла и Филиппа Вольфа,⁸ посвященная сравнительному рассмотрению народных движений в странах Европы XIV—XV вв. Заслуживает внимания интерес авторов к революционным движениям Средневековья, тем более, что они не ограничиваются изложением фактического материала, а стремятся дать объяснение причин и следствий описываемых событий. Книга представляет собой, по сло-

⁵ Brucker C. A. *Florentine Politics and Society 1343—1378*. Princeton, 1962.

⁶ Roover R. de. *Op. cit.*, p. 309.

⁷ *Ibid.*, p. 313.

⁸ Mollat M., Wolff Ph. *Ongles Bleus, Jacques et Ciompi. Les révolutions populaires en Europe aux XIVe et XVe siècles*. Paris, 1970. Об этой книге см.: Rutenburg V. *Révoltes ou révolutions en Europe aux XIVe et XVe siècles*. — *Annales*, 1972, № 3.

вам самих авторов, своего рода «фильм событий» (le film des événements).⁹ Авторы черпают фактический материал для этого «фильма» из источников и новейшей литературы, прибегая и к собственным частным исследованиям. Они дают реалистические образы вождей восстаний и народных движений, справедливо подчеркивают значение пропагандистского элемента, живого слова этих вождаков, воздействующего на психологию масс, а значит, и на духовную силу и стойкость восставших. Закономерно также обращение и к другим сторонам «механизма» восстаний: к причинам, поводам и формам организации (кварталы, сотни, цехи, компанияжи, сельские общины), к топографии (сосредоточение на городской площади, захват правительственных зданий, овладение целым городом), к вопросу о влиянии на округу, на соседние города, — к тому, что авторы именуют «революционной заразой» (contagion révolutionnaire), к конкретным и конечным результатам восстаний; первые они признают и перечисляют (например, вхождение в городской совет представителей восставших и т. п.), вторые они оценивают без особого оптимизма.¹⁰ «Чем скромнее, точнее, ограниченнее были цели восстания, тем больше шансов было у мелкого люда (les humbles) их реализовать, но меньше всего они приводили к ниспровержению общества».¹¹

Более широко, чем Ровер, они ставят вопрос о результативности восстаний. Авторы соглашались, как мы видели, с тем, что восстания могут иметь вначале некоторый успех. Однако пельзя не учитывать, что для своего времени даже небольшие завоевания имели огромное значение. Вполне естественно, что восстания Средневековья были не способны ниспровергнуть существующее феодальное общество. Это возможно лишь при перерастании восстания в буржуазную революцию типа нидерландской в XVI в. или французской в XVIII в., то есть когда само социально-экономическое развитие страны способствует ниспровержению старых порядков.

В целом, — спрашивают авторы, — если учитывать дальнейшее историческое развитие, — каков итог этих восстаний? И отвечают: «... последующие столетия действительно реализуют цели, поставленные вождями восстаний... но для этого необходимы века, общая эволюция цивилизации».¹² Однако «общая эволюция цивилизации» включает в себя все процессы развития общества, в том числе и те народные движения, которые исследуются Молла и Вольфом. Многие восстания (хотя и далеко не все) приводили к конкретным результатам, а в конечном итоге определили очень многое в национальном характере и в социальной структуре той или иной страны.

⁹ Ibid., p. 271.

¹⁰ Ibid., p. 9, 297.

¹¹ Ibid., p. 316.

¹² Ibid., p. 318.

Говоря о результативности народных восстаний, следует разграничить само понятие восстания (*révolte, insurrection, tumulte, émeute*) от близкого ему, но более емкого и более значительного — революция (*révolution*). Эти неравнозначные понятия нередко оцениваются в буржуазной литературе почти как равнозначные. Представляется закономерным использование западными авторами различных терминов по отношению к разным случаям, как то: «политические или религиозные волнения» (*les troubles politiques ou religieux*), «народные брожения» (*les agitations populaires*), «городские брожения» (*les agitations urbaines*), «сельские восстания» (*insurrections rurales*), «городские волнения», например в Тулузе (*tumulte de Toulouse*), «народные мятежи» (*une émeute populaire*), «крестьянские волнения» (*commotions paysannes*), «бунт» (*révolte, rébellion*).¹³ Однако нельзя согласиться с тем, что термин «революция» вводится как равносильный и равнозначный «восстанию». Подзаголовком всей книги является — «народные революции»; антипатрицианское восстание горожан Сиены в 1355 г. именуется «сиенской революцией» («*la révolution siennoise*»); восстания цехов против патрициата называются «цеховой революцией» («*la révolution des métiers*»); победа popolo в Италии «демократической революцией», а многие восстания в Италии «народными революциями».¹⁴ Более четкое определение народных движений по их содержанию и результатам способствовало бы уточнению положения многих буржуазных авторов о недостаточной результативности восстаний, вытекающего из максималистских требований — «ниспровержение общества»,¹⁵ что возможно лишь при победоносной революции.

Если же обратиться к восстаниям как исторически ограниченным в своих последствиях явлениям, то они были достаточно результативны, что можно доказать на многих примерах. Даже такое стихийное выступление городских низов, как восстание 1371 г. в Сиене, к которому обращаются Молла и Вольф в своей книге, привело к конкретным успехам: общий совет коммуны принял решение, несколько ограничивающее произвол хозяев мастерских и расширяющее политические права рядовых граждан.¹⁶

В социально-политическом отношении результативно было и восстание чомпи: оно привело к установлению власти относительно более демократических цеховых элементов с 1378 по 1382 г. и проведению в жизнь целого ряда проектов чомпи, которые оказались весьма реалистичными.¹⁷

¹³ Ibid., p. 8, 91, 129, 177, 238, 292, 293.

¹⁴ Ibid., p. 62, 135, 268, 271.

¹⁵ Ibid., p. 319.

¹⁶ Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии, XIV—начало XV в., М.—Л., 1958, с. 131—132.

¹⁷ Там же, с. 305—308. В этом плане характерно отсутствие в большом и всестороннем докладе Ф. Вольфа, прочитанном им на XIV Международ-

Попытка сопоставления различных народных движений может быть весьма плодотворной, однако она допустима лишь при учете специфики каждого из них. Так, например, сравнение восстания чомпи с восстанием «молотил» (Maillotins), которое делают Молла и Вольф, пользуясь замечаниями Буонаккорсо Питти в его «хронике», представляется недостаточно убедительным. Питти сравнивает итальянский «жирный народ» (popolo grasso) с французскими богатыми горожанами, а городские пизы — «молотил» — с итальянским «мелким народом» (popolo minuto), утверждая вместе с тем, что парижские низы «подобны флорентийским чомпи».¹⁸ Такая характеристика убедительна лишь в одном отношении — резко разделении горожан и в Париже и во Флоренции на противоположные по своему имущественному и социальному положению лагеря, что привело к решительным действиям низов. Однако на этом правильность сравнения кончается: восстание «молотил» было антиналоговым движением, хотя и весьма показательным и любопытным, а восстание чомпи гораздо более сложным по своему ходу событий и по своим программам движением предпролетариата. Оба они были своеобразными проявлениями классовой борьбы в городах Средневековья.

Эта характеристика восстаний перерастает в общий вопрос принципиальной важности о классах и классовой борьбе в эпоху Средневековья: Молла и Вольф считают невозможным «без риска не избежать анахронизма» говорить о классах в средние века, классовое сознание они также не считают очевидным.¹⁹ Точка же зрения марксистских историков изложена ими схематично, последние якобы считают, что производственные отношения в феодальном обществе так организованы, что они сами по себе, независимо от конкретных обстоятельств, неизбежно ведут к классовой борьбе. Буржуазные ученые видят причину социальных потрясений в таких явлениях, как голодовки, эпидемии, демографические провалы, марксистские же — якобы лишь в социальных противоречиях. Это указанные авторы считают главным в спорах «между историками немарксистскими и марксистскими».²⁰ Достаточно обратиться к исследованиям советских ученых, посвященным народным движениям, чтобы убедиться в том, что они учитывают все эти явления в общем комплексе условий, ведущих к народным движениям.

В феодальном обществе нет «чистых» классов и «чистого» классового сознания, особенно в такой период острых классовых

ном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско и посвященном проблеме социальной структуры и морфологии города в XII—XVIII вв., раздела о классовой борьбе (Wolff Ph. Structures sociales et morphologies urbaines dans le développement historique des villes (XIIe—XVIIIe siècles). XIV International congress of historical sciences. San Francisco, 1975).

¹⁸ Mollat M., Wolff Ph. Op. cit., p. 172.

¹⁹ Ibid., p. 315.

²⁰ Ibid., p. 273.

бить, как XIV—XV, а затем XVI вв. Специфическое положение не только классов, взятых в целом (феодалы и крестьянство), но и отдельных сословий и многочисленных классовых прослоек, естественно, приводит к разнообразию политического, религиозного, социального миропонимания у каждой из этих прослоек.

Именно для этого и необходим скрупулезный анализ всех нюансов классовой структуры и классового сознания данной эпохи, страны, движения.

Следует отметить и другой способ отрицания классовой борьбы в эпоху Средневековья: ее ранние, незрелые формы характеризуются буржуазными учеными как явление особого пеклассового порядка. Так, например, считает Роберт Фосье, автор «Социальной истории средневекового Запада»: ссылаясь на безрезультатность и неорганизованность восстаний рабов в эпоху перехода от рабовладельчества к феодальному обществу, он заявляет, что «это, собственно говоря, не было еще классовой борьбой».²¹ Более того, он считает, что ее не было и в раннем Средневековье, вплоть до 1300 г.

Такой подход свидетельствует о теоретической путанице, при которой вместо изучения разных, в том числе и примитивных форм классовой борьбы, в качестве ее проявлений признаются лишь самые острые ее эпизоды, — «ужасы Жакерии», при которых «между сеньерами, которых оскорбляют или которым угрожают, и восставшими против них подданными обнаруживается острая классовая ненависть».²² Такая политико-психологическая характеристика крестьянских движений исходит из тезиса о медленном развитии и почти неизменном состоянии крестьянства в течение всего Средневековья вплоть до Нового времени. Этот спорный и необоснованный тезис является, однако, исходным для столь же необоснованного вывода, согласно которому в социальной истории Средневековья не было «крестьянского вопроса»,²³ хотя и существовали «крестьянские классы».²⁴ Такой подход не может способствовать пониманию специфики крестьянских движений на разных этапах многовековой эпохи Средневековья в отдельных странах Западной Европы. С большей убедительностью решается вопрос об исторической эволюции господствующего класса, его консолидации и противоречиях внутри него.²⁵ Логика исследования, казалось бы, предполагает возможность и необходимость такого же исторического подхода и к классу крестьянства, этого требует и общеизвестный большой фактический материал. Однако при

²¹ «Mais ce ne sont pas là à proprement parler des luttes de classes» (Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. Paris, 1970, p. 337).

²² «effrois et jacqueries», «il existe alors entre les seigneurs humiliés ou menacés et leurs hommes en révolte une haine de classe ardente» (ibid., p. 343).

²³ Ibid., p. 355.

²⁴ «les classes paysannes» (ibid., p. 238).

²⁵ Ibid., p. 37—54, 223—234.

таком подходе неизбежно рушится тезис о «неподвижности» крестьянства и аморфности его социальных устремлений, при котором все крестьянские восстания рассматриваются как «серия... в целом бесполезных вспышек».²⁶

Одной из наиболее слабых сторон некоторых работ буржуазной историографии является рассмотрение классовой борьбы в полном отрыве от социально-экономических условий. Так, например, Фосье считает, что первые проявления этих связей можно обнаружить лишь в последние два столетия Средневековья, когда «присходит акселерация экономических феноменов как в городе, так и в деревне».²⁷ Противореча самому себе, Фосье для более раннего периода признает классовую борьбу только по отношению к итальянским городам, где он обнаруживает «некоторые элементы капиталистической эксплуатации», приводящие к «более острым и мощным классовым стачкам».²⁸

Проблема первых выступлений предпролетариата в Италии рассматривается во многих работах западноевропейских и американских ученых, из которых наибольший интерес представляют исследования Тененти, Брукера и Уголипи. Одним из спорных вопросов этих движений является их классовое содержание. Так, Брукер, считает, что даже наиболее характерное из этих выступлений — восстание чомпи во Флоренции 1378 г. — по своему духу и смыслу скорее исходило из раздоров и взаимной ненависти отдельных граждан города, чем из классовых противоречий.²⁹ Такое рассмотрение флорентийского восстания неприемлемо как в принципе, так и в деталях. Сочетание личностных и общественных моментов в любом восстании, при любом проявлении классовой борьбы не аннулирует ее социального смысла. Ход восстаний во Флоренции, Сиене, Перудже в 70-е гг. XIV в., программы их участников бесспорно характеризуют их как предпролетарские. Вспомним хотя бы требования чомпи о повышении заработной платы, ликвидации должности «иноземного чиновника», олицетворявшего власть предпринимателей, предоставлении политических прав наемным рабочим. Именно исходя из этого Маркс считал восстание чомпи в принципе пролетарским (*proletarische Erhebung*)³⁰ несмотря на его примитивный характер.

А. Тененти подчеркивает, что разгром наемных рабочих, то есть подавление восстания, привел к тому, что они были отброшены на задворки социальной жизни общества и, таким образом, события XIV в. стали началом длительного периода бесправия предпролетариата.³¹ Правильнее было бы сказать, что чомпи

²⁶ «une série... en général inutiles, ont éclaté» (ibid., p. 328).

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid., p. 250, 348.

²⁹ Врукер G. A. Op. cit., p. 356.

³⁰ См.: Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии, XIV—начало XV в., с. 259.

³¹ Tenenti A. Al comune dello stato, Firenze nell'età dei Medici. Torino, 1970, p. 51.

были на задворках социальной жизни до восстания, которое было не финалом успешной борьбы предпролетариата в условиях Средневековья, а ее начальным этапом. Об этом же справедливо пишет Джульяно Уголини, подтверждая свое мнение ссылкой на советские работы по истории чомпи.³² Он считает, что до восстания наемные рабочие были в абсолютном подчинении у жирного народа, «политическое и экономическое господство которого было почти безраздельным»,³³ и только вооруженное выступление народа впервые заметно поколебало его. Движения наемных рабочих не привели и не могли привести в условиях Средневековья к установлению власти пролетариата, но они оказали воздействие на эволюцию политической структуры — появление синьории Медичи, которая во избежание новых острых конфликтов переходит к более гибкой политике. Уголини делает интересное наблюдение: поражение чомпи не снимает самой проблемы взаимоотношений предпринимателей и наемных рабочих, оно дает себя знать и в следующем — XV в. — веке Медичи.³⁴ Автор отмечает, что народные возмущения способствовали формированию классового сознания,³⁵ что не равносильно наличию четкой идеологической системы мировоззрения. Однако тезис Уголини, согласно которому низы народа «лишены собственной классовой идеологии»,³⁶ представляется малоубедительным в отношении как флорентийского предпролетариата (XIV—XV вв.), так и нидерландского или немецкого (XVI в.). Даже такой небольшой сдвиг, как осознание возможности борьбы за улучшение своего положения,³⁷ с которого началось движение итальянских наемных рабочих, придает их требованиям социальный характер. Наемные рабочие не остановились на этом: они дошли до мысли об участии в политической власти и выдвинули тезис о всеобщем равенстве при условии их господства. Элементы классовой идеологии наличествуют в программе наемных рабочих уже в XIV в. Нет сомнения, что в условиях впервые появившихся в истории средневековой Италии раннекапиталистических отношений предпролетариат может рассматриваться лишь «в качестве зародыша нового класса», и поэтому вполне естественно, как об этом писал Ф. Энгельс, что «незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории».³⁸

³² Ugo lini G. *Moti popolari e potere nell'esperienza del Trecento.* — In: *Un'altra Firenze. L'epoca di Cosimo il Vecchio.* Firenze, 1974, p. 340, 343.

³³ «egemonia sociale ed economica, predominio politico del Popolo grasso e assoluto» (ibid., p. 283, 304).

³⁴ Ugo lini G. *Op. cit.*, p. 322, 341.

³⁵ Ibid., p. 283, 291.

³⁶ «privi di una propria ideologia di classe» (ibid., p. 327).

³⁷ «Le classi popolari prendono coscienza della possibilità di migliorare la loro posizione» (ibid., p. 330).

³⁸ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 194.